

В IX—XII ВЕКАХ летописи отмечают, что процветали на Руси великие города, управлявшиеся на началах самоуправления, общим собранием граждан — вече. Они существовали на российской земле, сыграли выдающуюся роль в становлении российского общества, а главными из них считались Господин Великий Новгород и Псков. Вольности были ликвидированы при князе Иване Великом в конце XV века не без вооруженной борьбы. Великий князь вырвал у символа самоуправления — вечевого колокола — язык и сослал его в Сибирь.

Однако настоящую расправу учинил Новгороду Иван Грозный, в дни нашествия которого в 1570 году река Волхов стала красной от крови. Господин Великий Новгород перестал им быть навсегда. Именно в этом городе воздвигнут памятник тысячелетию России при царизме, и поразительно, что по настоянию обществуности, фигуры Ивана Грозного, единственного из всех российских правителей, на монументе нет!

Гораздо менее крупный Псков спасла от разорения встреча грозного царя на пути с юродивым. Последний протянул властителю кусок сырого мяса и произнес: «ешь Иван, ты ведь хочешь нашей крови!». Иван Четвертый испугался дурного пророчества и повернул обратно. Судя по всему, эта сцена послужила прообразом знаменитого разговора царя с юродивым из пушкинского «Бориса Годунова» («Молись за меня, блаженный», «Нет, Борис, нельзя молиться за царя-ирода»).

Парадоксально, что именно при Иване Грозном повсеместным явлением были земские избы и старосты. К середине семнадцатого века сформировалась приказная система правления, к власти пришли воеводы. При Екатерине второй учреждаются земские суды, земская полиция и исправники, основной задачей которых был сбор налогов. Апофеозом старого типа выборности стал Земский собор в 1613 г. после Смутного времени, посадивший на русский трон династию Романовых.

Правление их было вполне самодержавным, что как раз говорит о том, что выборность сама по себе еще не является лекарством от диктатуры. И в сегодняшней России «все-народно избранный» президент спокойно передает свою должность назначенному им «наследнику», словно часы отдал с «барской руки». Единственный прогресс в том, что преемником не может быть младенец, что позволительно по династическому способу правления.

Двойственность российской государственности проявлялась и в том, что при полном чиновничьем произволе и «диком барстве» помещиков-крепостников, не изжила себя и сельская община, регулировавшая крестьянские отношения и помогавшая деревенским жителям выживать. Администрации она была удобна, т.к. круговая порука в общине способствовала собиранию податей. Постепенно власть в общине забирали в свои руки зажиточные «мироеды».

Вместе с освобождением крестьян было принято в 1864 году «Положение о земских учреждениях», в котором предусматривалась выборность территориального управления в 19 губерниях, как сказали бы сейчас, в порядке эксперимента. Следует отметить, что термин «самоуправление» не слишком подходит для земских учреждений. Они были со словными организациями: для участия в прямых выборах требовался высокий имущественный ценз — владение от 125—890 десятин земли либо недвижимым имуществом до 15 тыс. рублей.

Те, кто обладал одной десятой частью ценза, избирали гласных через особых уполномоченных. Крестьяне на волостных сходах имели право подбирать лишь кандидатов в гласные. Список гласных непосредственно утверждался губернатором. (После революции 1905 г. утверждение списков было отменено). В 202 уездах из 318 более 45% гласных были дворяне. Из потомственных дворян назначались члены земских управ, из них же выбирался председатель, а предводитель дворянства становился непременным председателем земских собраний.

Понятно, что дворяне пользовались своим привилегированным положением и устраивали себе в структурах земства многочисленные «теплые местечки» с полноценными окладами. В конце семидесятых годов земские налоги составляли с десятины помещичьей земли — 6,2 коп., а с крестьянской десятины — до 14,8 коп. В 1897 году — 17,8 коп. и соответственно — 21,8 для крестьян; в 1907 г. 13 коп. помещичьих и 20 коп. крестьянских — разница существенная и постоянная.

Неизвестный министр внутренних дел И. Горемыкин, проводивший в 1895—1899 г.г. контрреформы, в 1906 г. премьер-министр, утверждал в своей записке царю, что и земское, и административное устройство одинаково служат делу государству. Именно Горемыкин высказывался неодобрительно о хлопотах по поводу помощи голодающим, как о «корме» для «скотов». Еще он прославился тем, что впоследствии осуществил 384 мероприятия в обход и нарушение Манифеста 17 Октября и постановлений Государственной Думы.

Более дальновидным царедворцем был С. Витте. В качестве министра финансов, он провел денежную реформу, основой которой были полукабальные иностранные займы и повышение налогов. Тем самым министр дал ход развитию финансовой буржуазии. Витте возражал Горемыкину, ссылаясь на опыт Европы.

Записки Витте, озаглавленные издателем П. Струве «Самодержавие и земство», предварены предисловием общественного деятеля того времени Череванина. В предисловии отмечена непоследовательность позиций царедворца. С одной стороны, Витте называет конституцию «великой ложью нашего времени», с другой — связал свое имя с Манифестом 17 октября, по которому была созвана Дума.

Его записки, по мнению Струве, объективно являются обвинительным актом против самодержавия: «История до сих пор не знает случаев беспрепятственного и широкого развития самостоятельности общества при наличности абсолютизма. Господство самовластной бюрократии стремится всегда и везде превратить население в «обезличенные и бессвязные толпы, в людскую пыль» (по выражению того же Горемыкина в записке царю).

«Самоуправление в той форме, в котором оно выражается в нашем земстве, т.е. не в форме узко сословной или корпоративной, а в виде всеобщего народного представительства в сфере местного государственного управления, не соответствует самодержавному строю государства. В этом строе оно или будет плохим средством управления, или правильное и последовательное развитие начал его неизбежно

приведет к властной участию выборных представителей населения в законодательстве и верховном управлении», — такова логика Витте.

П ОНЯТНО, что в обществе мечтания о земстве олицетворяли два основных начала: выборное местное управление и земская (от земли русской), общероссийская, общенародная форма государственного управления. Горемыкин же, как и громадное большинство российских сановников, глубоко был уверен в своем праве всегда верховодить, за что его Витте уверяет: «русский же народ повторяет вслед за Аксаковым Ваша записка, «есть народ не государственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия». Неправота данной позиции очевидна.

Реально же «заявления Земств о созыве Собора были бы гораздо более многочисленны, — как считал Витте, — если бы Министерство внутренних дел своевременно не приняло мер к недопущению таких заявлений (в Харькове, Чернигове, Тверской губернии). Предводителям дворянства, председателям губернских земских собраний был разослан циркуляр, чтобы они не допускали даже чтения в собраниях подобных адресов. В некоторых местах были произведены аресты и высылки гласных, а в Чернигове в залу заседания были даже введены жандармы, которые силой ее очистили».

С некоторой долей сочувствия изобразил сатирик М. Салтыков-Щедрин в «Мелочах жизни» земского деятеля, дворянского либерала со значащей фамилией «Краснов». Деятель закатил звонкую речь по поводу выбора в председатели земской управы, где выразил сожаление о том, что «заняла сухая беспочвенная бюрократия место земства» и что «владычество бюрократии может привести только к общему расстройству». Он провозгласил: «Теперь перед нами занялась заря лучшего будущего».

На другой же день его вызвал к себе губернатор и заявил, что предпочитает не «зарю», а спокойные «сумерки, да и вам, господа советую... подробности пусть останутся за вами, главное руководство — за мною. Почва, на которой я стою, — это ответственность перед начальством; отношения же мои к вам таковы: я укажу вам на мосток — вы его исправите; я сообщу вам, что в больнице посуда дурно вылужена — вы вылудите».

Но не об одной лишь посуде и мостках давались указания: прежде всего о «неблагонадежных» гласных либо служащих, нанятых управами, от коих следовало избавляться. И пуше всего не желало правительство всяческих объединений земцев и, в особенности, боялось общего земского Собора, который так и не состоялся до революции. Похоже, что нынешние панегирики земству, попытки его возродить, по меньшей мере, «сильно преувеличены».

Тем не менее, понятия «земский врач», «земский учитель» приобрели стойкий позитивный смысл в народном сознании. Мы представляем себе доктора Чехова, который работал врачом в земской больнице, лечил бесплатно крестьян, боролся с эпидемиями холеры, строил школу в Мелихове. В общем, российской интеллигенции приходилось учить и лечить, кормить голодающих, строить пути в отечественном бездорожье. В период реакции 90-х годов вышло новое «Положение», которое урезало и без того малые права земских учреждений. Их вынуждены были покинуть прогрессивные разночинцы.

Вот пункты из «Положения»: «...5) Губернатор имеет надзор за правильностью и законностью действий земских учреждений ...8) образуется в каждой губернии губернское по земским и городским делам присутствие. Присутствие это состоит под председательством губернатора из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющего казенной палатой, прокурора окружного суда, председателя управы, городского головы губернского города и одного (!) члена из губернского земского собрания, избираемого сим последним из членов губернской управы или гласных собрания, утверждаемого в должности министром внутренних дел...».

Немудрено, что царское правительство относилось к земствам как частям собственного чиновничьего аппарата. В мемуарах черниговского земского деятеля И. Петрункевича приводится характерное воспоминание: «За огромным столом «покоем», покрытым зеленым суконным ковром, расположилось около 80 гласных, съехавшихся со всей губернии и представлявших, так сказать, цвет дворянства. Крестом дворянства виднелось только пять крестьян, пригласивших на конце правого крыла «покоя»... После губернатора говорил председатель собрания, губернский предводитель (впоследствии министр внутренних дел И.Н. Дурново), выразивший уверенность, что дворянство выполнит свой долг перед царем и Отечеством. Крестьян-гласных они игнорировали».

А вот эпизод «борьбы» за Земский собор, рассказанный тверским земцем Ф. Родичевым: «Когда выяснилось дворянское сословное направление комиссии, Земское собрание постановило работу прекратить и заявить о необходимости Земского собора. Я произнес речь, которой аплодировало собрание, аплодировал граф Игнатъев, брат министра, а губернатор написал представление о высылке меня... Конституционные заявления продолжались в Крыму, в Самаре, но настроение земской среды не поднималось... А реакция торжествовала явно и демонстративно... Крепостник граф Д. Толстой, ненавистный образованной России, сделался министром внутренних дел».

В 1891 году я был избран председателем Тверской губернской Земской управы, и, конечно, не утвержден. «Вы делали, бог знает, какие заявления» — упрекал меня министр Дурново. А какие заявления? ходатайство об отмене телесных наказаний для крестьян... Такого было настроение руководящих сфер». «Тихо всюду, глухо всюду», — заключает Родичев.

И опять-таки вспомнишь категоричное суждение Витте: «...означенная Власть основана на одном принципе, — единой и нераздельной воле Монарха, не ограниченной самостоятельной деятельностью народных представителей, а местное самоуправление — на другом принципе, самостоятельной деятельности выборных населения представителей его, действующих лишь под надзором Монарха и лиц, Им назначенных, от него доверенных. Эту разницу нельзя не видеть, через какие бы очертания ни смотреть, и потому окраски ни были их стекла, лишь бы эти последние не искажали изображений».

В наше время либералы толкуют о дореволюционных земствах чуть ли не как об эталонах местного самоуправления. Естественно, что с реальной картиной, сложившейся в ту эпоху конца XIX —

**О
В
М
Е
Р**

